
Ю. А. НОВИКОВ

БЫЛИНЫ И ПРЕДАНИЯ О РАХТЕ РАГНОЗЕРСКОМ

(К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА БЫЛИННЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ)

И архаические, и классические формы песенно-стихотворного эпоса в конечном счете генетически восходят к произведениям повествовательного фольклора: мифологическим сказаниям, древнейшим богатырским сказкам, генеалогическим и историческим преданиям и т. д.¹ В некоторых сюжетах русских былин связь со сказочной традицией настолько очевидна, что исследователи считают необходимым выделять особую группу эпических песен сказочного содержания. И даже после завершения продуктивного развития эпоса сказители пытались создавать новые былины, облекая в соответствующую форму народные сказки, предания, литературные произведения.

В Прионежье, по праву считающемся «Исландией русского эпоса», наиболее интересны в этом плане предания и былины о Рахте Рагнозерском, имя которого многие исполнители связывают с древней деревней Рагнозеро на Пудогге. Стихотворные варианты «Рахты» вряд ли правомерно ставить в один ряд с «распетыми голосом» сказками (термин А. Ф. Гильфердинга) — «Подсолнечное царство», «Еруслан Лазаревич» и т. п. Тексты такого рода являются результатом индивидуального творчества, а предания о Рахте пытались переложить на былинный лад в разное время и в разных местах.

Впервые былина о пудожском силаче была записана в 1871 г. от П. Калинина из деревни Пудожская Гора на северо-восточном побережье Онежского озера. А. Ф. Гильфердинг сопроводил беловую рукопись текста примечанием: «присутствовавший при записи кижский крестьянин В. Я. Мореходов сказал мне, что слышал ее (былину. — Ю. Н.), когда был мальчиком лет 12-ти (т. е. 30 лет тому назад) от старика, который приходил к ним в дом».² Мореходов дополнил вариант Калинина некоторыми оригинальными подробностями. Из Кижей имеется еще одно авторитетное свидетельство — Т. Г. Рябинин «слышал, но очень давно, от одного старика былину про рагнозерского старика Федора Рахкоя, который ходил бороться в Москву».³ Впоследствии в Пудожском крае было записано еще 4 стихотворных варианта «Рахты»: в конце 20-х гг. XX в. от Г. Якушова с Купецкого озера и рагнозерки А. Зуевой,⁴ спустя 10 лет — от Н. Ремизова с Купецкого озера и Н. Кигачева с Тубозера.⁵

Об источниках варианта Якушова сведений нет. Все остальные сказители утверждали, что слышали «Рахту» именно былиной. Ремизову нет оснований не доверять — он обычно очень точен в сообщениях подобного рода. И в

¹ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 423—448.

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. 4-е изд. М.; Л., 1949—1951. Т. 1. С. 715 (далее — Гильф.).

³ Гильф. Т. 2. С. 715.

⁴ Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948. № 32, 197 (далее — Сок.-Чич.).

⁵ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья, примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соимонова; предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. № 41, 42 (далее — БПК).

данном случае прямо признал, что своего «Рахту» сложил на основе предания; когда-то «слышал и былину, но не запомнил». ⁶ А вот утверждение Зуевой вызывает сомнение. В 1928 и 1957 гг. собиратели не слышали ничего подобного от других жителей Рагнозера — все в один голос заявляли, что «Рахту» рассказывают, а не поют. (Кстати, былина Зуевой по содержанию идентична преданию, записанному от ее отца Т. Прокина ⁷). Ненадежна и информация Кигачева, который якобы «много раз» слышал былину у себя в деревне. ⁸ Говоря об источниках своих вариантов, этот сказитель почти всегда называл заведомо ложные «адреса», но сопоставительный анализ текстов обычно приводит к печатным изданиям. Что касается «Рахты», то Кигачев, бесспорно, хорошо знал местные предания о рагнозерском силаче, но вместе с тем ему был знаком и печатный вариант былины Калинина, из которого он позаимствовал целый ряд уникальных подробностей повествования.

Несмотря на относительную скудость имеющихся данных, можно утверждать, что прионежские сказители разных поколений независимо друг от друга упорно стремились переделать предание о Рахте в былину. Такое постоянство не объяснишь случайным совпадением — видимо, у Рахты Рагнозерского были серьезные основания «претендовать» на роль эпического героя.

С именем олонечского силача связано два сюжета — «Рахта и разбойники» и «Рахта-борец». Оба они неоднократно фиксировались в форме преданий и сказок и оба переделывались на былинный лад (только Калинин ограничился вторым сюжетом). Изучение генезиса первого произведения и происхождения имени героя заметно продвинулось вперед благодаря разысканиям К. В. Чистова и Ю. И. Смирнова. ⁹ Привлекая для сопоставлений финно-угорские материалы, оба исследователя убедительно аргументируют архаичность предания, отразившего этногенетические процессы и получившего широкое распространение на Русском Севере. В свете новых данных весьма уязвимой выглядит точка зрения В. Ф. Миллера, считавшего рассказы о Рахте и неверной жене одной из «бесчисленных вариаций» международного сюжета, «обычным приурочением» (притом довольно поздним) к местному силачу разрозненных мотивов народных сказок. ¹⁰

Вторым сюжетом с конца XIX в. никто из фольклористов специально не занимался. Современные исследователи касаются его лишь мимоходом, подчеркивая близость «Рахты-борца» к исторической песне о Кострюке, что воспринимается как молчаливое признание его неоригинальности. Такую мысль еще в конце XIX в. высказал все тот же В. Ф. Миллер. Предложенное им истолкование сюжета и фигуры главного героя, основанное всего на двух вариантах (былина Калинина и предание в записи К. Петрова), не подвергалось критической проверке на более полном материале. Основной тезис Миллера сводится к тому, что «Рахта-борец» — это посредственная по уровню исполнения переделка «Кострюка», дополненная простодушными домыслами олонечских крестьян о столичной жизни и даже анекдотом (имеется в виду стычка с солдатом, который отбирает у героя царские подарки).

Центральный эпизод исторической песни (простолудин по повелению царя побеждает знаменитого борца-иноземца), действительно, близок по содержанию к аналогичной сцене из предания, является стержнем его сюжета. Однако при тщательном сличении доступных сегодня текстов возникает целый ряд вопросов, удовлетворительного ответа на которые гипотеза Миллера не

⁶ БПК. С. 487.

⁷ Сок.-Чич. № 194.

⁸ БПК. С. 490.

⁹ Чистов К. В. Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахке из Рагнозера // Славянская филология. М., 1958. Т. 3. С. 358—388; Смирнов Ю. И. Предание о Рахте Рагнозерском по новым данным // Русский фольклор: Народная проза. Л., 1972. Т. 13. С. 40—57.

¹⁰ Миллер В. С. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1910. Т. 2. С. 259—261.

дает. Если многие мотивы случайно попали в предание и былину, то почему они так устойчиво повторяются по вариантам? Почему «Рахта» и «Кострюк» перекрещиваются только в одном пункте? Почему эта единственная совпадающая сцена, детально разработанная в исторической песне, в преданиях и былинах передается одной-двумя фразами? Почему, наконец, создатели былины о Рахте не воспользовались готовым запасом поэтических формул из «Кострюка»?

В аналогичных случаях (например, былины «Алеша Попович и Тугарин» и «Илья Муромец и Идолище», некоторые песни о Разине и Пугачеве) генетически связанные между собой произведения обычно сохраняют много общего как в сюжетном построении, так и в стилистическом оформлении. «Рахта» же явно не укладывается в рамки привычных представлений о фольклорных переделках. В «Кострюке» иноземный борец является «сквозным» персонажем, его соперник появляется только в самый решительный момент и после своего триумфа остается в тени (всего в 4 вариантах из 91¹¹ говорится о награде — вполне возможно, что это позднейшее привнесение). В «Рахте» основное внимание уделяется характеристике русского богатыря, а его противник «попадает в кадр» лишь на время поединка. В «Кострюке», хотя бы в редуцированной форме, имеется мотив предварительной недооценки героя. В «Рахте» наоборот — о необычной силе рагнозерского мужика сообщаются такие подробности, что его победа в предстоящей схватке не вызывает сомнения. Видимо, поэтому описание борьбы лишено внутренней интриги и драматизма. «Поборол этого богатыря, так осталась от него одна вода», «он варяга этого победил и даже расшиб совсем его», «этого богатыря в кучку склал» — так завершается рассказ о поединке во многих текстах.¹² А в былине, которую слышал Мореходов, герой вообще боролся с завязанными глазами. Чудовищной силой Рахты можно объяснить и довольно частый смертельный исход поединка. В «Кострюке» же, даже в эпической его версии, дело обычно не заходит дальше «членовредительства».

Все эти факты говорят о том, что ключ к пониманию сущности предания и созданной на его основе былины следует искать в фигуре главного героя, во многом отличающегося от героя исторической песни (речь идет именно о герое, а не о сюжете). Устойчивость большинства мотивов, многие из которых кажутся факультативными, свидетельствует об их обязательности в «Рахтеборце». На мой взгляд, почти все элементы произведения обретают единство, если предположить, что образ Рахты генетически связан с образом великана, многие атрибуты которого сохранились и в записях сравнительно недавнего времени.

Ни в одном известном нам тексте не говорится об исполинских размерах Рахты, герой приобрел облик человека, однако в его деяниях нередко угадываются черты, присущие великанам. Рахта прячет лыжи под дом (в столице — под дворец), приподнимая его за угол; когда он «кашляет», то за озером слышно, в его бане ночуют тридцать девять разбойников. Он за один раз выкашивает пожни и распахивает огромные поля, которыми потом пользуются жители всей деревни; вырубает в лесу заготовки сразу для двенадцати дровней и несет их на плече через замерзшее озеро — царский гонец думает, что это «остров движется по озеру». Олонецкий силач за два-три дня доехал на лыжах

¹¹ Исторические песни XIII—XVI веков / Подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. № 109—199.

¹² Большинство преданий о Рахте опубликовано. См.: Чистов К. В. Материалы к изучению былины и предания о Рахте из Рагнозера // Тр. Карельского филиала АН СССР. Вып. 20: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск, 1969. С. 122—166; Смирнов. С. 53—57; Северные предания: Беломорско-Обонежский регион / Подгот. Н. А. Криничная. Л., 1978. № 87—89; Библиография и обзор вариантов здесь же — № 348—349, 364—369. Отдельные тексты печатались и в других изданиях, начиная с 1875 г.

до Москвы, легко обогнав почтовую тройку с царским посланником, отправившимся в путь за несколько дней до него.¹³

Здесь уместно сослаться и на некоторые подробности повествования в предании «Рахта и разбойники», так как на Пудогге оба сюжета давно сосуществовали, часто контаминировались, а следовательно, и влияли друг на друга. В одном из текстов подчеркивается необыкновенный аппетит героя. Когда десять разбойников съели полторы «мякушки» хлеба, жена Рахты удивилась: «У меня мужик один три (мякушки. — Ю. Н.) съест».¹⁴ (Ср. сходную характеристику Идолища в былине «Илья Муромец и Идолище», великанов из русских сказок или нартского эпоса, Полифема из «Одиссеи» и т. д.). Иногда сообщается, что Рахта двумя ударами топора валит огромные деревья.

Некоторые из указанных выше мотивов можно было бы объяснить эпической идеализацией героя и подобрать соответствующие параллели в былинных текстах, но в комплексе они такому объяснению не поддаются. В то же время допущение генетической связи Рахты с великанами снимает многие вопросы и позволяет хотя бы в первом приближении представить картину эволюции образа рагнозерского силача и сказаний о нем.

Предания о великанах, как правило, строго локализованы, бессюжетны, тяготеют к контаминации типовых эпизодов и мотивов, причем порядок их следования особого значения не имеет. Они напоминают серию картин, главное назначение которых — показать различные формы проявления чудовищной силы персонажа. Выключив из «Рахты-борца» сцену поединка, мы получим именно такую серию свободно сочетающихся мотивов, восходящих к преданиям о великанах. Нелишним оказывается здесь и смутивший В. Ф. Миллера эпизод с царскими подарками, которые богатырь безропотно отдал солдату, даже не попытавшись силой отстоять свой «приз». Ситуация анекдотическая и хорошо знакомая по многочисленным историям о столкновении человека с великаном (или заменившим его чертом): первобытной силе исполнина человек противопоставляет свой разум и хитростью добивается победы. Правда, в предании не раскрывается, какую уловку использовал находчивый солдат. Быть может, этот пропуск вызван тем, что Рахта давно уже утратил облик великана. Дальнейшая трансформация привела к полному идейному переосмыслению архаичного мотива — исполнители начали трактовать поведение силача как проявление его незлобивости («смирной богатырь», «признали тут его очень благим» и т. п.).

Деятельность великанов обычно не приносит людям практической пользы, но иногда их наделяют некоторыми чертами первопретка, культурного героя.¹⁵ Есть они и в образе Рахты Рагнозерского — он всегда мыслится как первонасельник Рагнозера, искусный (а в прошлом, возможно, и первый) пахарь, косарь, лесоруб, плотник, лыжник. Многие исполнители связывают с именем богатыря название озера и деревни Рагнозеро (имя героя известно и в таких формах, как «Рагна», «Ракхой», «Рак», «Раг»). В. Ф. Миллер недоумевал, почему олонекский силач «право распоряжаться ловлей рыбы в своем озере ставит выше всяких княжеских наград». Но с точки зрения севернорусских крестьян, создателей этого произведения, Рахта поступил в высшей степени практично — ведь он стал полновластным хозяином богатых угодий.

¹³ Ю. И. Смирнов склонен видеть в этом эпизоде отголоски представлений о волшебных лыжах (Смирнов Ю. И. Предание о Рахте Рагнозерском. С. 48). Но не проще ли связывать быстрое передвижение героя с его исполинскими размерами? Великан в мифологическом эпосе или волшебной сказке не нуждается в «человеческих» дорогах, он пешком догоняет беглеца, учившегося на коне много часов назад. Кстати, в ряде вариантов предания подчеркивается, что Рахта едет не по дороге, а «напряжик лесом» — для него, как и для великана, лес не является преградой.

¹⁴ Архив Карельского филиала РАН, кол. 21, № 240.

¹⁵ См. об этом: Плужжикова С. Н. Образ осилков в белорусских преданиях и сказках // Советская этнография. 1960. № 4. С. 83.

(В хозяйственной жизни Прионежья рыболовный промысел и сегодня играет первостепенную роль).

Если принять предлагаемое объяснение генезиса «Рахты-борца», то получается, что герой предания намного старше так называемой «старшей» исторической песни о Кострюке, а само предание восходит к архаическим формам, стадияльно предшествовавшим героическому эпосу и нередко служившим для него «строительным материалом».

Не столь уж бесспорным выглядит и тезис о заимствовании сцены борьбы из «Кострюка». Вполне возможно, что в исторических песнях и преданиях параллельно разрабатывался один и тот же популярный мотив, тем более что Пудога по количеству записей «Кострюка» занимает одно из первых мест. Немаловажно и то, что в Прионежье, как и в других районах Русского Севера, широко распространены сказания о местных силачах, а один из самых популярных сюжетов — победа над заезжими борцами или успешное выступление против них в Москве или Новгороде. Особенно много текстов записано в Пудожском крае (предания о братьях Меньшиковых, Иване Донском, «черном богатыре» и др.). Один из рассказчиков считал Ивана Донского великаном и связывал с его огромным ростом название якобы им основанной деревни Великодворской. В другом варианте встречается мотив, известный по «Повести временных лет»: слушая рассказ о московской победе Ивана Донского, другой силач в сердцах разорвал воловью кожу, которую он выделывал. Эти произведения по характеру изображаемых событий стоят ближе к «Рахте-борцу», чем к «Кострюку».¹⁶

Собираателями зафиксировано свидетельство о том, что в Муромском монастыре (юго-запад Пудогы) в старину устраивали «боротье». «Борчи съезжались с Вытегры, с Андомы, со всей округи, а иногда приезжали из других губерний».¹⁷ С учетом этих фактов понятен повышенный интерес пудожан к Рахте Рагнозерскому, приведший в конце концов к созданию былинных новообразований.

Исследователи русского эпоса не раз указывали на отдельные черты великанов, сохранившиеся в облике Святогора, Настасьи Микуличны (сюжет «Добрыня и Настасья»), Идолища («Илья Муромец и Идолище»). Возможно, под влиянием последнего сюжета и в былине «Алеша Попович и Тугарин» при изображении эпического противника акцент начали переносить с атрибутов змея на атрибуты великана: огромные размеры, обжорство, характерные для исполина неповоротливость и несообразительность. Пока Тугарин поворачивается и недоуменно озирается, Алеша подъезжает и наносит ему смертельный удар; победив своего могучего противника и отрубив ему голову, богатырь «не может главища на плечо поднять»,¹⁸ а в финале былины иронически советует князю Владимиру: «Хошь рубахи буць и пиво вари».¹⁹

Перечень былинных персонажей, в характеристике которых есть нечто общее с великанами, можно расширить. Великан узнаваем в образе татарского посла в ряде северо-восточных редакций былин о вражеском нашествии: он едет «полем, да не дорогою», плечами «ободверины вывёртывает», когда пытается «повернуть вверх дном» княжеский терем,²⁰ прославленный богатырь

¹⁶ Ср. аналогичные предания об архангельском силаче Иване Лобанове, который на плечах выносит из леса 20-метровые бревна, удерживает за трос отчаливший от пристани пароход и, естественно, не знает себе равных в схватках с заезжими борцами, в том числе и не русскими. Как и Рахта, «он запросто, по-деревенски ломал борцов»; «в охапку схватит и положит» и т. п. (Кришичная Н. А. Предания об Иване Лобанове: К проблеме становления фольклорного образа // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 126).

¹⁷ Архив Карельского филиала РАН, кол. 8, № 35.

¹⁸ Гильф. № 99.

¹⁹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1898—1901 гг. М., 1904. Т. 1; Прага, 1938. Т. 2; СПб., 1910. Т. 3. № 334 (далее — Григ.).

²⁰ Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. № 26 (далее — Онч.); Былины Севера / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1; М.; Л., 1951. Т. 2. № 86, 89 (далее — Аст.).

Алеша Попович не может сломать «печать татарскую» на послании вражеского царя — это под силу только Илье Муромцу.²¹ Еще очевиднее принадлежность к миру исполинов Идолища в былине о его сватовстве к племяннице князя Владимира. Здесь мы находим и стереотипную портретную характеристику великана («руки трех сажён», «нос его, как палка дровоколья», и т. п.), и другой, более редкий в русском фольклоре мотив:

А со сна на ей накинуд руку правую,
А накинуд он ей да погу правую,
А да чуть под жива лежит, душа в тели полуднуёт.²²

Но самое примечательное — описание убийства «Идоила проклятого» (или «большого жидовина», как назвал его один из певцов). Этого исполина удается убить, только напоив до бесчувственного состояния; вопреки эпическому канону в одном из вариантов голову ему отрубает Добрыня, Алеша и Илья Муромец вместе. Когда тело Идолища выбросили за борт,

Сбортыхалосе то туловищо в синём мори,
Сколыбалосе синё морё со краю в край,
Со краю-ту на край да из конца в конец,
Пошатались а ихны да черны карабли.²³

Особенно выразительную картину нарисовал печорский сказитель Н. Шальков:

Расходилось его тулово поганое,
Да поганое тулово, сердитоё,
Поймало мачту корабельную,
А бы вымело мачту во мелко щепьё.²⁴

На Печоре записана былина о разбойнике Даниле Борисовиче, в образе которого переплетаются черты великана, колдуна и «ходячего покойника». Его «тоща меняя, палица буёвая» весит шестьдесят пудов, пятеро разбойников «за один конеч да не могли признать», а вдесятером «едва пошевеливают»²⁵ (ср. эпизод с сошкой Микулы Селяниновича). Пораженный насмерть «выпавшей» из тучи «громовой стрелой» Данила ночью поднимается из могилы, с помощью заклинаний останавливает корабль разбойников («не уйти-то вам будёт, не уехати ни сухим-то путем, да вам не водою»), угрожает съесть своих недавних соратников («я вас всех нынь съем, прием»)²⁶ и буйствует до восхода солнца («от свету да пал на землю»). Его «не дёржит мать сыра земля», а «только дёржит осинов кол», заколоченный против сердца; причем Данилу кладут в могилу «внич на землю всё».

Отдаленное сходство с великаном имеет герой редкой былины «Калика-богатырь», видимо, сравнительно недавно оформившейся в самостоятельное произведение. Один из двух ее вариантов записан от кижанина Т. Иевлева, внука знаменитого Ильи Елустафьева, а второй — от водлозерского певца Т. Суханова.²⁷ Оба сказителя удачно использовали традиционные былинные формулы для характеристики своего героя — пешего, а не конного, как обычно, богатыря.

²¹ Аст. № 86.

²² Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. № 79.

²³ Григ. № 404 (Мезень).

²⁴ Онч. 73.

²⁵ Там же. № 51.

²⁶ Там же. № 76.

²⁷ Гильф. № 101, 207.

О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Как повыше лесу да стоячаго,
А пониже облака ходячаго.

Он легко перепрыгивает через Пучай-реку, а кричит так громко, что «с теремов вершочки посыпались...», и т. д. Но здесь мы, скорее всего, имеем дело с гиперболоми, призванными подчеркнуть необычайные возможности калики. Ср. типовые описания поездки («реки, озера промеж ног пускал...») или ископыти богатырского коня:

И да наскок-от берут да по целой версты,
Да ископыти тут мечут по целой копыны...
Куда падают копыта лошадиныи,
Там становятся колодци ключевой воды.²⁸

Обращает на себя внимание тот факт, что заимствования отдельных мотивов, поэтических образов и целых эпизодов из сказаний о великанах чаще всего встречаются либо в очень архаичных сюжетах («Святогор и Илья Муромец», «Святогор и тяга земная»), либо в поздних былинных новообразованиях («Сватовство Идолища», «Данила Борисович», «Калика-богатырь»). На наш взгляд, к последней категории примыкает былина «Добрыня и Настасья».²⁹ На таком фоне «Рахта-борец» не выглядит чем-то из ряда вон выходящим.

К сказаниям о великанах правомерно возводить и некоторые мотивы былины «Вольга и Микула». Вот уже более столетия хрестоматийным примером отражения в эпосе севернорусского быта и природы считается описание пахоты Микулы Селяниновича:

Сырые дубья выарывает...
То коренья-каменя вывёртывает,
Да великия он камня вси в борозду валит.³⁰

Эти подробности исследователи интерпретируют как гиперболы, возвеличивающие крестьянский труд, создающие монументальный образ чудесного пахаря, а картину пахоты, обилие камней на поле связывают с подсечным земледелием в северных регионах России.³¹ Нам представляется, что ближе к истине С. Н. Плужникова, возводившая этот эпизод к мотивам древнейшего фольклора об исполинах.³²

В дореволюционных записях былин камни упоминаются только в вариантах сказителей из Кижей и Космозера. Не исключено, что эта деталь — региональная особенность традиции Западного Прионежья, поскольку в записях с Пудоги и Кенозера фигурируют «дубья-колоды», «сосенки да ёлочки»,

²⁸ Гильф. № 272, 170.

²⁹ Эта былина только в XX столетии получила сравнительно широкое распространение, поскольку удачно заполнила пробел в «эпической биографии» популярного героя. Но практически все тексты вторичны, зависят от книги и в конечном счете восходят к одному первоисточнику — очень близким по содержанию и оформлению вариантам двух пудожских сказителей П. Калинина и А. Чукова (Гильф. № 5, 148). С поздними былинными новообразованиями ее роднит отсутствие каких-либо оригинальных сюжетных ситуаций, развернутых описаний и формул. Подобно «Калике-богатырю», старина о женитьбе Добрыни словно соткана из традиционных элементов, позаимствованных из других сюжетов, в первую очередь — из былины «Святогор и Илья Муромец» (черты великана в образе «полянницы») и второй части «Дуная». Не исключено, что эта эпическая песня — результат индивидуального творчества непосредственного предшественника Чукова и Калинина.

³⁰ Гильф. № 255, 83.

³¹ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. Т. 1. С. 166—186; Анкин В. П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество. Л., 1987. С. 269—270 и др.

³² Плужникова С. Н. Образ осилков в белорусских преданиях... С. 83.

«пни-де коренья».³³ Картина пахоты Микулы далека от приемов подсечного земледелия. В былине об исцелении Ильи Муромца богатырь вырывает деревья с корнями и затем сжигает их или бросает в реку; он расчищает место для будущего посева или покоса (на Севере такие поля называют «чища», «чище-ница»)³⁴. Микула же распахивает целину, заросшую лесом; с точки зрения хозяйственного мужика обрабатывает землю крайне небрежно (в буквальном смысле работает «через пень-колоду») и вряд ли может рассчитывать на высокий урожай. Согласно народным преданиям (причем не только русским), именно великаны распахивают леса: они для них — что трава для людей, а камни — недостойные внимания песчинки.

Естественно, что у великана и поле соответствующих размеров («в край уедет — другого не видать»³⁵), его сошку кленовую не могут выдернуть из земли «тридцать молодцев без единого», а «кобылка соловая» легко обгоняет княжеского коня (надо полагать, лучшего в табунах Вольги). В былине можно найти и другие аналогии с рассказами о великанах, в том числе с преданиями о Рахте Рагнозерском. И. Касьянов, от которого записан самый полный вариант этой старины, подчеркивал огромный вес Микулы: «А сам я сидел-то сорок пуд».³⁶ Ср. аналогичное заявление Рахты царскому послу в одном из вариантов предания: «Если я сяду, дак ваша лошадь меня не увезет».³⁷ Т. Иевлев использовал другую необычную гиперболу:

Была у тебя кобыла «Подыми голова»,
Заздынула она голову под оболочку.³⁸

Сходные подробности есть в былинах о Святогоре, великанская «природа» которого бесспорна: его «земля на себе через силу носит», а когда он едет на коне, то «головой упирается под облаку ходячую».³⁹

Родственные по происхождению, некогда близкие образы Микулы Селяниновича и Рахты Рагнозерского в дальнейшем разошлись в своем развитии. Микула постепенно превратился из пахаря-великана в богатыря-крестьянина, земледельческий труд которого осмысливается как великий подвиг. Былина о нем — одно из высших достижений творцов русского эпоса. (Отмеченная выше логическая неувязка в изображении пахоты, конечно же, не играет заметной роли). А былины о Рахте в ее классической форме сказителям создать не удалось. Герой этого произведения так и остался в ранге местного силача, ибо в его деяниях героическое начало практически отсутствует, оба сюжета даже формально не прикрепились к Киеву или Новгороду (ср. с «Вольгой и Микулой», «Добрыней и Настасьей», «Сватовством Идолища», «Каликой-богатырем», примыкающими к киевскому циклу эпических песен). В отличие от героев названных былин и Потанюшки Хроменького из «Кострюка» Рахта защищает не общегосударственные, а личные интересы; даже московский поединок с заезжим борцом в большинстве вариантов изображается как праздничная забава, спортивное состязание, от исхода которого не зависит судьбы былинной Руси или престиж московского царя.

Предпринятая в данной статье попытка в какой-то мере мифологизировать героев ряда былин и былинных новообразований, связать некоторые мотивы с произведениями повествовательного фольклора об исполинах сопряжена с определенными трудностями. Не всегда огромный вес или громкий голос

³³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд., М., 1910. Т. 1. № 115 (далее — Рыбн.); Гильф. № 255.

³⁴ БПК. С. 509.

³⁵ Гильф. № 73.

³⁶ Гильф. № 156.

³⁷ Архив Карельского филиала РАН, кол. 17, № 55.

³⁸ Рыбн. № 69.

³⁹ Рыбн. № 51.

можно интерпретировать как атрибуты великана. В классических сюжетах русского эпоса немало близких аналогий к тем деталям, которыми мы оперировали. Гиперболизируя физическую силу богатырей, сказители нередко руководствовались архаичным представлением о том, что сила «много весит». Под Ильей Муромцем, Дунаем или Дюком «дубово крыльчко подгибается, и мостовинки вси да ломаются, а й стекольчаты сини ходуном ходят»; под «крестным батюшкой» Василия Буслаева «Обухов мост да нагибается»;⁴⁰ татарскому послу не удастся перевернуть терем князя Владимира:

Не сидел бы старой (Илья Муромец. — Ю. Н.) в переднем углу,
Повернул бы вверх дном всю хоромину.⁴¹

Под стать эпическому герою и его конь — он перепрыгивает через реки и озера, «через стену маше прямо городовую, да через высоту башню наугольную».⁴² От богатырского крика Ильи Муромца, переодетого каликой, «белокаменные палаты пошатались, во палатах столбы сколыбались».⁴³ Великан Святогор принимает удары боевой палицей за комариные укусы; сходный мотив встречается и в былинах о «младших» богатырях (Василий Буслаев, испытывая своих будущих дружинников, изо всех сил бьет их по голове «червленым вязом» — «стоит Потанюшка не стряхнется, его желтые кудри не сворохнут»)⁴⁴.

Однако между этими деталями и теми, которые гипотетически возводятся нами к сказаниям о великанах, нетрудно заметить принципиальные отличия. В «классических» былинах они используются сравнительно редко и в сущности факультативны, так как не определяют развития сюжетного действия. А в произведениях, генетически связанных с преданиями об исполинах, они представлены комплексно, дополняют друг друга, являются своего рода «несущими конструкциями», на которых держится все повествование. Их обилие и важные сюжетообразующие функции вряд ли правомерно объяснять только обычной для эпоса идеализацией героев. В связи с этим не лишено оснований и такое предположение: при формировании основного ядра русских былин эпические певцы могли опираться на художественный опыт предшествующих поколений и использовать некоторые элементы сказаний о великанах для создания монументальных образов богатырей. Интерес к повествовательному фольклору об исполинах не угасал и в последующие эпохи — пока существовала живая былинная традиция, они постоянно «подпитывали» русский героический эпос.

⁴⁰ Гильф. № 213, 103.

⁴¹ Аст. № 86.

⁴² Гильф. № 225.

⁴³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862. Вып. 4. С. 25.

⁴⁴ Гильф. № 141.